

КАК ПИШЕТСЯ КИНО

Первую часть жизни человек работает на репутацию, вторую - репутация работает на него. Валентин Ежов обрел репутацию выдающегося драматурга уже в самом начале творческой карьеры - с выходом кинокартины "Баллада о солдате". В нем он рассказал историю юного солдата-фронтовика, в котором, вероятно, было немало сходства с самим автором, тоже восемнадцатилетним юношей попавшим в армию в 1940 году. Фильм был не только о воле, но и о любви, нежности, верности, герою картины полюбили зрители во всем мире.

С тех пор Валентин Ежов создал сценарии более 50 фильмов. Среди них - "Белое солнце пустыни", "Тридцать три", "Дворянское гнездо", "Крылья", "Сибириада", "Это сладкое слово - свобода", "Эсперанса", "Мой друг генерал Василий, сын Иосифа", "Под северным сиянием" и другие. Картины, поставленные по сценариям Валентина Ежова, получили более 120 наград на всех международных кинофестивалях, в том числе два "Гран при" Каннского кинофестиваля. А кроме того, Валентин Иванович Ежов - уникальный рассказчик. Оказаться его собеседником - не меньшее удовольствие, чем быть зрителем его картин.

«Я решил попробовать писать прозу после одного случая, связанного с моим товарищем Саше Касьяновым. Мы с ним встретились в ШМАСе - Школе младших авиаспециалистов. Были соседями по койкам. Меня призвали в армию в 1940 году, сначала я был в артиллерийской школе, а потом попал в ШМАС. Там нас готовили для морской авиации, которая была в распоряжении Тихоокеанского флота. Саша был крупный, атлетически сложенный, высокий парень, настоящий силач. Он до армии в цирке выступал, в группе акробатов "нижним". Когда началась война, ему не терпелось попасть на фронт. Говорил: "Убегу отсюда! Чего-нибудь натворю, меня исключат, пошлют в штрафбат, вот так и попаду на войну. Мне нужно на фронт, потому что я обязательно должен получить звание Героя Советского Союза". Упрямым был, все так бы и сделал. Но не пришлось. Сумел попасть в маршевую роту, и их сразу отправили в Сталинград. Повоевать он не успел. К несчастью, в первые же дни возле него разорвался снаряд, был огромный выброс земли, песка в основном, и его накрыло плотным слоем. Не будь он таким силачом, так бы под этим песком и погиб. Но он сумел выбраться. А выбравшись, понял, что ничего не видит, ослеп. Его положили в госпиталь, начали лечить, и в первые месяцы у него было несколько вспышек, когда он в течение нескольких секунд все видел. А потом окончательно потерял зрение.

Он говорил: "Меня все знают, как же я вернусь в Харьков без орденов!" Какой-то орден, он получил, конечно. Когда я вернулся после войны в Москву, мама как-то сказала, что заходил Саша, они с женой поселились в какой-то гостинице. Мы встретились, и так жалко было и страшно. Он говорит: "Ничего не могу заработать. На что я буду жить?! Ты бы нашел мне какого-нибудь писателя, чтобы он мне записал мою историю, я буду выступать, заработаю хоть немного". Тогда многие выступали - слепой поэт Асадов, мама Зои Космодемьянской рассказывала, как ее дочь погибла. А я подумал, где мне искать писателя?! Никого я из них не

знал. Решил, да - ка я сам напишу. Дня четыре писал. Представлял Сашу, плакал не раз, думая о нем. Это был мой первый литературный труд в прозе. До этого я только стихи писал. Принес Саше, прочитал. Его жена тут же начала реветь. Короче, он все выучил и тоже начал выступать перед зрителями с горькими воспоминаниями о свое очень коротко во не. Через некоторое время и я пошел на его выступление, люди плакали в тех местах, где и я сам плакал. Через год Саша Касьянов уехал, и я до сих пор не знаю, где он се час. А я нахально решил, что могу писать.

Происхождение (Я стал Валентином благодаря опере "Фауст")

Мой отец был родом из села "Белые Колодези", что недалеко от Коломны на Оке. Так повелось, что из этого села многих мальчишек отправляли на заработки в Петербург, потому что в тогдашне столице было немало торговых люде , купцов и прочих из этих мест. У села били родники с очень чисто прозрачно водо , и купцы, которые осели в Петербурге, за сотни километров возили воду сороковедерными бочками из этих родников, чтоб ставить самовары на "свое " воде. Вода в то время в Петербурге, скажем прямо, была не очень качественная. Отца тоже отправили к своим "богатым" родственникам служить на посылках. Там же, в Петербурге его призвали в армию, сначала в Царскую, потом в Красную. Он воевал с чехами и попал в госпиталь в Самаре, где они с мое мамо и познакомились. Она была в этом госпитале старше медсестрой, красивая, статная. А отец был махонький, далеко не атлетического сложения. Влюбился, она ему ответила взаимностью, и родился я. Родился семимесячным, и бабушка меня в валенке на печке выхаживала, доводила до кондиции. В роду у мамы и отца не было особого разнообразия имен, в-основном, Иваны и Василии, а меня она решила назвать Валентином. Отец однажды пригласил ее в оперу, в которую и сам попал впервые. Давали "Фауста", одного из героев звали Валентином. Маму поразило это имя, и она решила, что если будет сын, то обязательно назовет его Валентином. Так была нарушена вековая традиция мое семьи. Мама была человек безо всякого высшего образования. Но однажды е очень понравилось слово "классика", и она покупала из книг только классику. У меня никаких детских книг никогда не было. Читать я научился по старому букварю, и тут же перешел прямо к "классике". В первом классе начально школы, когда все еще учили буквы, я под партой держал одного из классиков. Взахлеб читал. Вся моя библиотека состояла из пяти купленных мамой толстых однотомников - Пушкина, Некрасова, Тургенева, Гоголя и Чехова.

Честно сказать, я сам не знаю, что я понимал в этом возрасте, но читал с увлечением. К примеру, рассказ Чехова "Сапожник и нечистая сила" мне казался почти мистическим детективом. Потом я всю жизнь перечитывал эти книги, они естественно стали моими самыми любимыми, и постепенно, взрослея, я начал понемногу разбираться в истинном смысле написанного. Когда семья перебралась в Москву, мы жили на Лубянке в подвальчике. Отец работал в правлении банка СССР на должности небольшого чиновника, окончив какую-то финансово-экономическую школу. Подвал достался отцу от старой немки-генеральши, которая за десять лет жизни в России так и не научилась говорить по-русски. Но зато отец научился немножко болтать по-немецки, за что она ему перед смертью отказала свои "апартаменты". После во ны я сразу подал заявления в два института - в Московски Областной Педагогически Институт и во ВГИК. На всякий случай, куда возьмут. В МОПИ - на литфак, а о ВГИКе я вообще не имел никакого представления. Мне туда посоветовал поступить приятель, который работал во ВГИКе физруком. Я неплохо играл в волейбол, и он сказал, будешь играть за нас. А в педагогическом была одна из лучших студенческих команд, и пока я учился пару лет в двух институтах, я к ужасу моего приятеля играл за МОПИ, и мы все время обыгрывали ВГИК.

Нужно сказать, что я действительно никакого представления не имел об Институте

Кинематографии, но раз я писал стихи, да еще написал для Саши Касьянова прозаическое выступление, махнул на сценарный. В числе абитуриентов было много детей кинематографистов. Я с ужасом слушал на "блатном" киношном языке "крупный план", "шторка", "затемнение". Но чуть не свалило меня с ног "спиральное затемнение", которое и теперь, могу сказать, остается для меня полной загадкой. Надо будет как-нибудь спросить у одного из моих друзей-операторов. Может, он знает. Первые два года учился в двух институтах, потом остался во ВГИКе, но на лекции в МОПИ часто ездил. Там была уникальная профессура, их было очень интересно слушать. Лекции, которые они собирали всю жизнь, превращались в "золотой слиток" педагогического искусства. Слушали их все, затаив дыхание. Теперь таких преподавателей можно встретить очень редко. Начинали они в 20-е годы, когда литература русская состояла почти из одних классиков. Литература 19 века для них была еще очень живо и захватывающе. Короче, была классикой.

Теперь о кино. Начиная со ВГИКа, моя жизнь в кинематографе сложилась очень удачно. Первые два года я учился у Иосифа Маневича, очень профессионального крупного кинематографического редактора. Потом его сменил великий режиссер Александр Петрович Довженко, который раз в жизни решил поработать со сценаристами и довел меня до диплома. Я работал с Барнетом, Чухраем, Донским, Кончаловским, Шепитько, Жалакявичусом, Вайдой. А первым режиссером, который меня пригласил работать был Иван Александрович Пырьев. Мы с приятелем начали писать для него сценарии. А получилось это так - мне решили поставить тройку за дипломный сценарий, за то, что я сменил тему, которую утвердила кафедра. А Довженко был болен. И когда он в больнице узнал, устроил скандал. Он очень горды был, и обиделся за меня. И, надо сказать, обиделся очень широко. Он всем объявил, что я - его лучший ученик. Таким образом на меня обратили внимание многие режиссеры и в том числе Иван Пырьев, который пригласил меня с моим однокурсником Василием Соловьем писать для него сценарии. Но из этого ничего не вышло. Комитет кинематографии предложил ему снимать фильм о первом фестивале молодежи, он уехал в Берлин. Но кое-что я успел у него "ухватить".

После Пырьева Марк Донской пригласил нас в том же составе писать спортивные сценарии об Олимпиаде. Сценарий с участием известных спортсменов, как тогда называли полудокументальный-полухудожественный. Картину Марк Семенович снял, но оглушительного успеха она не имела. Выдуманный жанр отомстил за себя.

В конце концов нам все-таки пришлось написать сценарий художественного фильма на спортивную тему. Главного героя играл Алексей Ванин, чемпион Москвы по классической борьбе, тренером которого был знаменитый актер Меркурьев. Сначала решили научить актера бороться. Но потом я предложил режиссеру Гончукову, поскольку я кое-что понимал в спорте, взять борца на главную роль. Легче борца научить целоваться, чем актера бороться. Тем более, что борец привык к зрителям, и мог выступать на глазах зрителя в лирических сценах. А уж бойцовские вышло что надо. Это соответствовало и замыслу, в котором из деревенского парня получается чемпион мира.

Алексей Ванин прекрасно сыграл в этом фильме. Через некоторое время даже Василий Шукшин пригласил его на роль брата в "Калину Красную". До сих пор он снимается в фильмах. Надо сказать, что когда я работал с Донским на киевской студии, там в течение одного года оказался очень интересный режиссерский коллектив. Кроме Марка Донского там работал один из крупнейших режиссеров Борис Барнет, который на киевской студии сделал свое "Подвиг разведчика", и целая плеяда молодых режиссеров - Чухрай, Параджанов, Алов, Наумов, Миронер и Хуциев. Сами понимаете, если бы они остались тогда на Киевской студии, это была бы одна из самых интересных студий не только Советского Союза, но и Европы. Но они все очень хотели уехать назад в Москву.

Потом была картина "Ляна", благодаря которой я встретился с Барнетом. Он ее снимал. Там

впервые снимался Га да , которы затем поступил во ВГИК, и тоже стал режиссером. Стал свои комедии снимать. Сценарий был по смешной оперетте о молдаванке Ляне. Оперетту поругали в прессе, "что вызывает недоумение, как такая вещь может идти на советско сцене". А Барнет как раз в тот момент запустился в производство. Меня срочно вызвали переписывать. У оперетты был чисто "советски " сюжет. Конфликт главный состоял в том, что на участке Ляны, весело бригадирши виноградческой бригады, нашли нефть. Это значило, что ее знамениты виноградник пропадет. Парторг говорил - нефть важнее, она с ним спорила... Когда я приехал в Молдавию - материал я все-таки должен был собрать - то узнал, что не обязательно бурить землю именно на этом участке. Есть наклонное бурение, можно не трогать ценные виноградники. И так вот в Молдавии нет нефти... Короче, история как с королем в вассальных странах. Король приказал: " Пусть меня в каждо стране встречают залпом из пушек". Везде стали палить в его честь. Приезжает в одну страну - никто не стреляет. Как, почему? "На это у нас есть 13 причин, - отвечает бургомистр. - Во- первых у нас нет пушек..." Король усмехнулся и говорит: "Остальные 12 меня не интересуют". Так и в истории Ляны конфликт лопнул как мыльные пузырь, и мне пришлось просто написать веселую комедию.

Семейный опыт

Моя первая жена, Ольга Никитична Ежова, училась в Педагогическом Институте, там мы и встретились. Ее родители жили в Черкизово. Тесть был профессором Тимирязевской академии, а теща - агрономом. Мы поселились у них, в маленьком деревянном доме, из которых состоял весь тогдашний район Черкизово. Нам отгородили фанеро комнату. Работал я по ночам, когда в доме становилось тихо. Садился в кухне за стол, включал газ, чтобы согреться, а у газа неприятны запах, и я часа в два-три ночи выбегал из дома подышать свежим воздухом. Если была метель или шел снег, все кругом заносило, не про ти, только трамва ные рельсы разметали, и я по этим трамвайным путям ночью гулял. А бабки из соседних домов смотрели на меня с ужасом - ходит по шпалам человек туда-сюда.

Сложилось "общественное" мнение, что вот несчастная Леся так неудачно вышла замуж, и теще сочувствовали, мол, как же вам не повезло. А теща отвечала: "Да уж, и не говорите!" Вторая-то дочь вышла за нормального человека, которы кажды день ездит на работу и по ночам спит. Когда все уходили на работу, я ложился на диван и начинал сочинять сценарий, продумывать эпизоды. Теща иногда оставалась дома. Бывало, стучит на кухне ведрами: это значит, кончилась вода, нужно идти к колонке набирать. Мне жена говорит: "Слышишь, мама стучит - нужно по воду сходить". А я говорю: "Что я, павловская собака, что ли? У меня должен быть условны рефлекс на ее стук? Трудно зайти и сказать! Нет, она стучит, а мне догадывайся". А потом теща заходит в комнату, начинает что-то говорить, а я е отвечаю: "Анна Ивановна, извините, я работаю". Она теряет дар речи - лежит на диване и говорит, что работает! Когда я еще жил в том доме в Черкизово, мне дали Ленинскую премию.

Сперва пришло много правительственных поздравительных телеграмм с красным верхом. Все удивились страшно, все соседские бабки. Подумать только, тако совершенно никчемны человек - и вдруг правительственные телеграммы. Потом приехала "Ча ка", выскочил полковник. "Где здесь Ежов?". А я в трусах, в саду с сыном крыжовник окапываю. "Вы Ежов?" - "Я". - "Разрешите обратиться!" Тогда я сказал, как наш старшина в армии - "Оборачивайтесь, товарищ полковник, тем более, что я сержант". Подает письмо от министра обороны, я разворачиваю - там поздравление от министра, мол, "Баллада о солдате" - его любимая картина и прочее. Тесть и теща тем временем уехали жить в Минск. А меня пригласили туда на встречу со зрителями. Поехать я не мог, но сказал, что у меня в Минске тесть и теща - можно с ними побеседовать. Минские активисты действительно приехали к ним, и попросили рассказать, как работал над фильмом Ежов. Теща стала что-то

рассказывать. Ей говорят: "Поедьте, вы публике все расскажете". Повезли их. Что они рассказывали, не знаю, но впервые в жизни их завалили цветами, и теща решила, что я - ничего, мужик.

Встреча с нынешней женой

Я с не познакомился на банкете у Будимира Метальникова в Доме Кино. Ее многие знали, она была фотомodelью и считалась одно из самых красивых женщин Москвы. Наташа закончила МАИ, стала программистом. Для моего интеллекта такая профессия непостижима. Работала она в Институте мировой экономики у Евгения Примакова. Они планировали экономику США на 2000 год, что всегда заставляло меня над ними смеяться. Я всегда говорил "свою бы на пару лет вперед рассчитали".

Позвонил ей, попросил прийти на свидание. Она рассказала подруге, Ларисе Клименко, что познакомилась со сценаристом, сказала "он меня пригласил. Говорят, что он лауреат Ленинской премии - пойдём посмотрим про этого лауреата". Пошли они в институтскую библиотеку в справочный отдел. Там можно было отыскать справку о любом человеке в мире. Лариса говорит - "Давай начнем с Союза кинематографистов" - нашли, есть такая фамилия. Потом решили посмотреть в Справочнике Союза писателей, тоже есть такая фамилия. Посмотрели в энциклопедическом словаре - там сведений обо мне было уже побольше, сказано про все картины и премии. "Видишь, оказывается, все правильно о себе говорил,- говорит Лариса. - Может в "Who is who" посмотрим?" Наташа сказала - нет, в "Who is who" он не может быть. Но все-таки взяли справочник. Оказалось, и там моя короткая биография и все мои сценарии. Лариса посмотрела все это и сказала - "Тогда я тебе советую по ти на свидание". Наташа пришла и вскоре согласилась выйти за меня замуж, так как я был уже в разводе. Я считаю, что с Наташей, как и с режиссерами, мне тоже очень повезло, поскольку я находился тогда в периоде творческого подъема, который неизменно заканчивался веселыми загулами с друзьями. Наташа, будучи женщиной строгой и очень организованной, творческий подъем поощряла, а с загулами пришлось завязать, в меру конечно.

*** Я расскажу удивительную историю про "Балладу о солдате". Это было в Берлине. На берлинском фестивале показывают этот фильм, простых людей в зале немного, а в основном богатые немцы. Атмосфера такая: Аденауэр, холодная во на, уж холоднее некуда. После поражения немцы не пылали особо любовью к русским. Вдруг после просмотра встает женщина, высокая пожилая немка, идет на сцену и обращается в зал с такими словами: "Вы многие меня знаете..." (Она держала торговлю на крупном овощном рынке) "Я се час посмотрела картину. У меня было пятеро сыновей, и все они погибли на восточном фронте. И вы не сделали картину ни про одного из моих сыночков. А русские сделали. Я всю картину проревела, потому что увидела моего сынка на во не. В зале долго молчали, потрясенные таким заявлением. Потому что восточный фронт - русский фронт - был самым страшным местом для немецких солдат. И жюри присудило нам главный приз.

Как рождается замысел

Я часто работал в соавторстве с режиссерами. Потому что когда пишешь сценарий вместе с режиссером, он думает только о том, как сделать фильм, а если отдаешь ему уже готовый сценарий, то он полгода думает, как его переделать под себя. Но порой с соавторством происходили забавные истории. С картиной "Тридцать три" было так. Наш знаменитый режиссер Георги Данелия решил сделать, как за границей: собрать группу соавторов. Об этом писал Витя Конечский и сам Данелия. А у меня свой рассказ. Собрались все в Одессе - Гия

Данелия, Юри Казаков, Вася Аксенов, Витя Конецкий и я. Жили весело, развлекались. Работа не шла. Я понял, что пять взрослых человек не могут сидеть за столом и только работать. Для этого нужно, чтобы все пятеро были трезвыми. В России это невозможно. Потом все разъехались. Юра Казаков сказал: "У меня договор на перевод, что я буду тут с вами сидеть!" - и уехал. У Васи Аксенова тоже были какие-то свои дела. А Витя поспешил в Ленинград, у него мама болела. Остались мы с Гие вдвоем. А тогдашняя жена Гии, Люба Соколова, снималась в то время в Ялте. Мы сели на пароход и поплыли в Ялту. И я ему на пароходе рассказал историю, как мне рвали зуб в Болгарии. Мы там с соавтором писали сценарий, и вдруг у меня разболелся зуб. Соавтор мне говорит:

"Валка, (в Болгарии нет мягкого знака) пойдем к Митко Ангелу. Он профессор, преподает в университете". Приходим, у него как раз сидят студенты. Соавтор с ним договорился, и Митко объявляет: "Вот и счастливый случай. Перед вами больно, наш друг из России, он согласился, чтобы ему вырвали зуб. Приступим". А я не то, что согласился, а просто умоляю, чтобы поскорее избавили меня от этой муки!

Махонький Митко раскладывает инструменты, говорит: "Имеем дело с сильным зубом, значит подходят щипцы номер пять". Зажимает, тянет, и ... никакого результата: щипцы соскальзывают. Студентам объясняет - "Очень крепки зуб, попробуем еще раз". Тянет во второ раз- опять соскальзывают. "Ну, - говорит, - тогда берем друго инструмент (как у Чехова, козью ножку). Зуб ни с места. Тогда я тихо говорю "Митко, отпусти студентов. С моим зубом ты все равно не справишься" Он нахмурился. Студенты опустили головы, тихо ржут. Митко рассердился и всех выгнал. Попробовал потянуть еще, и еще раз. Повис на моем зубе так, что его коленки оказались у моих ушей. Потом взял долото и начал им по частям выбивать зуб. Я сказал - "Да хоть сто грамм коньяка". Митко налил мензурку спирта. В конце концов, он удалил зуб. Вытер рукавом пот - "Како у тебя сталинградский зуб, невозможно подступиться. Первый случай в жизни, когда не могу ничего сделать..." Заморозка проходила и я попросил еще 20 грамм спирта подержать во рту. Но не удержал. Потом уже мы вместе в ресторане пили коньяк и он говорил - "Действительно, какой-то 33 зуб. У нормальных людей этого не бывает". Обретя способность улыбаться, я сказал "Спасибо за сюжет, Митко".

Мастер

Преподавать во ВГИК меня позвала Кира Парамонова, в то время она была заведующей кафедрой драматургии. Одновременно я начал преподавать и на Высших сценарных курсах. Большинство моих студентов становились потом для меня товарищами, а некоторые и близкими друзьями. Привозили сценарии, советовались, с некоторыми мы работали вместе. Так что рядом со мной было много интересных людей. Там же я познакомился с Рустамом Ибрагимбековым, которого пригласил в соавторы. Мы с Андреем Кончаловским должны были за два месяца написать сценарий "Белого солнца пустыни". Я мог все написать про Сухова, но про Восток знал мало. Мы писали с Рустамом в одно волжско деревне. И вот однажды приезжает к нам в деревню Андре Кончаловский, весь в джинсе, в черных очках, для это деревни просто "инопланетянин", и объявляет, что он влюбился, ему се час не до кино, и уезжает во Францию. И тут же уехал.

Мы, брошенные режиссером, сидели на крутом берегу Волги и тихо напевали песню про знаменитого атамана Стеньку Разина. Главным образом, слова - нас на бабу променял. Остались без режиссера и перед нами встала проблема - кто же будет снимать. Конечно, на Мосфильме, как всегда было много свободных режиссеров, которые согласны были снимать, что угодно и о чем угодно, но такие нас не устраивали. Первым режиссером, который к нам пришел, был Юра Чулюкин, автор известных комедий. Он сказал, я прочитал ваш сценарий, это гениально! Красноармеец сопровождает гарем. Я сниму такую комедию, от которой все полягут в зале! Только надо выбросить все бои, никому они не нужны. А вот про Сухова и

гарем я сниму так, что зал ляжет. Но нам сценарий был дорог тем, что даже критики долго не могли определить его жанр. В нем были и трагические эпизоды, и комедийные, и любовная история и интонации сказочно истории про солдата, который может из топора суп сварить. В общем, как сказали критики, в этом сценарии присутствуют элементы всех жанров. Мы отказались отдать сценарий хорошему комедиографу, поскольку его интересовали только элементы истории, связанные с комедией. Потом появился знаменитый в то время Жалакявичус, который снял известный фильм "Никто не хотел умирать", и он нам сказал: "Все нормально, сценарий мне понравился. Только надо выкинуть все эти смехушки. Это так называется?" Мы ответили - "Не совсем так. Но нам понятно". Он пояснил дальше: "Вот есть у вас прекрасная сцена, когда торчит из песка голова человека. Вот это интересно".

Мы поняли, что он снимет жесткую картину, в которой он закопает 20 голов, а по ним пустит конницу. Но такая картина нас тоже не устраивала. Ни с одним из "смехуков" мы не могли расстаться. И нам пришлось отказать и этому великому литовскому режиссеру. Были и еще режиссеры, в конце концов, появился Мотыль. Он тогда только снял "Женя, Женечка и Катюша" и собирался ставить "Звезду пленительного счастья". Мы подумали, он может делать и комедию и трагедию, раз хочет снять "Звезду". Мы предлагали, он трижды отказывался в надежде, что запустится со "Звездой". Для Комитета он был нежелательно фигурой, поскольку был неуправляем, как они называли таких режиссеров. Но в конце концов согласились запустить его с "Белым солнцем пустыни". Он сказал, что "вынужденно снимает эту картину, поскольку его держит за горло костлявая рука голода". С моей точки зрения картина получилась очень удачно.

Какими бы ни были сценарист и режиссер, должна быть талантливая команда, потому что кино - искусство коллективное. Прежде всего там был прекрасный оператор Эдуард Розовский. Вы сами видите, как снята картина. В успехе фильма большая заслуга Розовского.

Были и хорошие художники - знаменитая художница Ленфильма Белла Маневич и известный художник Валерий Кострин. Но на первом месте в кино, как и в театре, стоит актерский ансамбль. Сделать сильную картину можно только с коллективом хороших актеров, поэтому каждый раз приходится набирать маленький театр.

Мне в "Белом солнце пустыни" нравится все за исключением финала, который меня тогда сильно огорчил, да и сейчас всегда задевает. Дело в том, что по сценарию Абдулла погибал совсем по-другому. После той сцены у бака, когда Верещагин спрашивает где Петруха, он слышит голос Сухова. Тот говорит, что Абдулла зарезал Петруху. А Верещагин очень полюбил парня, и именно после этого вступил в бой с Абдуллой, хотя до этого отказывался это делать и даже пулеметов не давал. В сценарии Абдулла пробрался на баркас с оставшимися людьми, и там завязалась перестрелка между Верещагиным и Абдуллой. Верещагин тяжело ранил Абдуллу. Тот перевалился через борт и поплыл в берег. Вылез на берег, на котором стоял Сухов, и тяжело раненый пошел к нему. Сухов спокойно смотрел на него, понимая, что он тяжело ранен. Абдулла сделал несколько шагов и застыл свалился у ног Сухова. Все жены бросились к своему настоящему хозяину, наклонились над ним и завывали. Так было написано в сценарии. В картине же Сухов расстреливает стоящего на баке Абдуллу, всаживает в него пулю за пулей. Это не свойственно такому солдату как Сухов. Это сцена из американского боевика. Сухов стреляет тогда, когда не может не стрелять. Зачем так по-американски нужно было убивать Абдуллу? И потом Сухов мог и до этого сделать это много раз.

А самое интересное, что после освобождения Афганистана от талибов, наши власти послали в Афганистан "Белое солнце пустыни". И вы представляете этих неграмотных афганцев, которые не имеют представления о России, и они в финале увидят сцену, как русский человек с волосами цвета соломы расстреливает мусульманина. Кому нужно было такую "красоту" показывать, мне непонятно. А все остальное в картине сделано на высоком

уровне.

Но вернусь к ученикам. У меня учился Валя Черных, с которым мы стали друзьями. Александр Лапшин, написавши знамениты сериал про Клима Самгина. Помню, как Вадим Трунин прочитал на занятии сценарий. Это был замысел "Белорусского вокзала", обсуждали. Потом подружились с ним, рыбу вместе ловили. Сережа Бодров- у меня учился. Бодров-старший. Когда я его увидел на Нике, то так же сердце сжалось, как когда-то при встрече с Саше Касьяновым...

Света Савостьянова, моя ученица из последнего выпуска, поехала в Чечню как журналист во время перво чеченской войны и осталась работать на телевидении. Се час делает очень толковые репортажи из Государственно Думы. Сергей Говорухин - очень талантливы человек, снял жестки , остры фильм про Чечню. Сам прошел все это, ногу потерял. Он возглавляет Комитет воинов, это товарищество настоящих люде . Много полезных дел делает.

Помню, как один мой приятель Мурат привел свою дочку, попросил объяснить ей, как поступить во ВГИК. Длинноногая красивая девочка, бегунья. Я сказал: "Напиши любой случай из своей жизни, я почитаю, посоветую". Она написала, хороший рассказ. Я ее отвел к Кире Парамоновой, которая в тот год набирала курс. Это была Рената Литвинова. Сценаристам, молодым ребятам сейчас трудно, кинематограф только начал возвращаться к жизни. Мне с ребятами очень интересно встречаться. Я в курсе того, чем они живут, и сам узнаю столько всего о жизни, чего никогда не даст никакой сбор материала. Известно, что самое интересное в жизни - это общение с людьми.